

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Экспедиция во вторую половину XIX и в начале XX веков (1861–1918 гг.)

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Реформа Экспедиции в 60-е годы XIX столетия

I

Полное переустройство и преобразование Экспедиции было до известной степени связано с обновлением всей вообще русской жизни, происшедшим в 60-е годы XIX столетия.

Крымская война, во время которой России пришлось столкнуться с наиболее передовыми государствами Западной Европы — Англией и Францией, вызвала у нас всеобщее пробуждение. Технике Запада, демонстрировавшей свое могущество в виде парового флота, заставившего потопить наши парусные корабли при входе в Севастопольскую бухту, и дальнобойных нарезных штуцеров, обрекших наши кремневые гладкоствольные ружья на бездействие, мы могли противопоставить тогда лишь героизм полуголодного, оборванного и невежественного солдата. Этого оказалось недостаточно, и Россия, несмотря на свои естественные богатства и многочисленную, великолепно вымуштрованную на высочайших парадах армию, была побеждена.

Но поражение России произошло не по вине русского народа, а по вине русского правительства и поддерживавшего его помещичье-крепостнического класса. Это стало ясно всем сколько-нибудь мыслящим людям того времени, и немудрено, что едва смолк гром севастопольских пушек, в обществе, впервые встряхнувшись от спячки после трагически закончившейся попытки декабристов, сейчас же началось лихорадочное стремление к реформам. Русские люди, как будто инстинктивно, почувствовали, что их родине, пока она будет покоиться на трех получивших официальное одобрение китах, неминуемо грозит участь Турции, на территории которой удовлетворяли свои империалистические аппетиты могущественные западноевропейские державы.

Вера в спасительность для России самодержавия, православия и самобытности, под могучим воздействием пережитого национального унижения, была значительно подорвана даже в рядах правящего сословия, которое, по крайней мере, в лице наиболее развитых своих представителей, не могло не увидеть теперь, насколько «гнилой» Запад оказался культурнее и экономически сильнее «здоровой» России, где «самодержавие» в корне душило все сколько-нибудь живые общественные начинания, «православие» держало народ на стадии невежественного суеверия, а «самобытность» санкционировала крепостное право, совершенно остановившее дальнейший хозяйственный рост страны.

При таком настроении «общества», подогревавшемся еще поднявшейся волной крестьянского движения, у власти, естественно, стали если не настоящие «либералы», то, во всяком случае, люди, хоть отчасти проникнувшиеся либеральными взглядами. Сам глава правительства, самодержец Александр II, несмотря на все свои крепостнические наклонности, ясно отдавал себе отчет в необходимости провести неотложные реформы сверху, чтобы тем предупредить революцию снизу. Так занялась над Россией, правда, ненадолго, либеральная заря, уничтожившая крепостную неволю, несколько ослабившая гнет бюрократизма и чуть-чуть приоткрывшая прорубленное Петром Великим и потом много раз наглухо заколачивавшееся окно в Европу. Этими уступками русский абсолютизм обеспечил свое существование более чем на целых полстолетия.

К серии такого рода «реформ», проведенных царизмом и получивших в русском обществе, долго не разбиравшемся в их истинном смысле и значении, почти благоговейное название «великих», относятся и довольно радикальные перемены, происшедшие в жизни Экспедиции. Перемены эти были вызваны, однако, не только духом времени, но и причинами чисто местного, специального характера. Дух времени оказал свое непосредственное воздействие лишь на реформу, в корне изменившую положение рабочих Экспедиции. Что же касается введения нового штата и нового строя управления в Экспедиции, а также перестройки и переоборудования ее мастерских, то необходимость и неотложность этих мероприятий вполне сознавалась уже на исходе 50-х годов и тогда же побудила предпринять в этом направлении первые, правда, робкие, шаги.

Раньше всего почувствовалась необходимость в расширении бумагоделательной фабрики и типографии Экспедиции и в усилении вообще ее технических средств. Выделявшая разной бумаги в начале своей деятельности от 3 до 8 милл. листов ежегодно, Экспедиция в половине 50-х годов должна была изготавливать их до 30 милл. штук в год. Приобретение Екатеринбургской фабрики сравнительно на короткое время

удовлетворило технические нужды Экспедиции. Немудрено поэтому, что уже в 1847 г. было решено приступить к капитальной перестройке Экспедиции. Для выработки соответствующего проекта тогда же был образован особый комитет в составе председателя, управляющего Экспедицией С. Ремезова, и членов, генерал-майора Рененкампа и архитектора Куци¹. Выработанные комитетом к концу 1852 г. предварительные планы, чертежи и сметы по расширению мастерских и прочих помещений Экспедиции были утверждены министром финансов 31 декабря того же 1852 года. На предложенные постройки и перестройки, которые должны были дать возможность Экспедиции производство до 33 милл. листов в год, требовалось 1.658.145 руб. сер.²

Однако когда было приступлено к разработке детального проекта, то оказалось, что расходы, вызываемые переустройством Экспедиции, значительно превосходят вышеуказанную сумму, дохода в общей сложности до 2.154.472 руб. сер. Излишек против прежних сметных предположений в 495.527 руб. был вызван следующими обстоятельствами: прежде всего, устройство нового здания для мастерских на месте предназначенного к сломке дома бывшего Павловского института потребовало дополнительного расхода в 115.265 руб. вследствие того, что решено было, во-первых, вместо оцинкования всех железных приборов и крыш в этом здании, их окрасить; во-вторых, вместо выстилки полов в мастерских особого рода массой, покрыть их карповской плитой. Затем, на перестройки и переделки старых зданий Экспедиции, где жили служащие и рабочие, пришлось дополнительно назначить 305.784 руб., благодаря тому, что, по проекту нового штата Экспедиции, в этих зданиях необходимо было устроить помещение для гораздо большего числа лиц, чем то, какое имелось в виду первоначально. Наконец, уже после утверждения предварительных соображений было признано желательным ввести в Экспедиции газовое освещение, а расходы по устройству здания для газоосвещающих аппаратов с ретортами исчислялись в 74.478 руб.³

Таковы были расходы, связанные непосредственно с перестройкой Экспедиции. Но, кроме них, комитет испрашивал еще 48.000 руб. на содержание лиц, потребных для руководства и надзора при производстве работ, которые предполагалось закончить в течение четырех лет. Что же касается технической части, то здесь первоначально было признано возможным ограничиться ассигнованием примерно всего только 212.000 руб. на приобретение новых машин и аппаратов, хотя существовавшее в те времена оборудование мастерских Экспедиции, и особенно ее бумагоделательного отделения, находилось «в крайне ветхом состоянии». Впрочем, члены комитета сами никаких справок о действительных ценах

на машины и аппараты, а также о месте заказа их не собирали, полагая, что «сие относиться будет к обязанности правления Экспедиции»⁴.

Окончательный план переустройства Экспедиции и новая смета были представлены министру финансов в декабре 1853 г. и, по рассмотрению в Главном управлении путей сообщения и публичных зданий, сократившем сумму расходов до 2.139.737 руб. вместо испрашиваемых комитетом 2.154.472 руб., получили в июле следующего 1854 г. высочайшее утверждение.

Однако затруднения, связанные с вызванным Крымской войной усиленным выпуском кредита и прочих ценных бумаг, позволили приступить к практическому осуществлению проекта лишь во второй половине 1856 г., когда, по докладу министра финансов, последовало 27 июля указанного 1856 г. на это высочайшее разрешение⁵. Но теперь уже было решено не ограничиваться, главным образом, только расширением мастерских, а также совершенно заново ввести в Экспедиции более совершенные способы производства.

В целях ознакомления с лучшими бумажными фабриками и механическими заводами Германии, Бельгии, Франции и Англии за границу был командирован управляющий типографским отделением Экспедиции Я. Рейхель (рис. 13). В данной последнему инструкции предлагалось, в области бумажного производства, обратить особое внимание на способы варки и беления тряпья, промывки, размола и вообще приготовления полуматерии, выделки валяльных сукон, их очистки и мытья; поручалось также разузнать: нет ли машин для очистки тряпья от пыли и пеньки от грязи? каково новейшее устройство роллов и рольных ящиков? из чего делаются черпальные чаны и матерные ящички? наконец, рекомендовалось «вникнуть в производство машинной бумаги и удостовериться на опыте, не признается ли возможным выделять бумагу на машине с ясными внутренними водяными знаками, и буде опыт покажет противное, то не полезно ли иметь таковую небольшого размера машину для производства бумаги без внутренних знаков, со всеми принадлежностями, т. е.: машинами для оклейки, сушки и разрезывания листов». Что касается типографского искусства, то здесь также полагалось «не упустить из виду того, что может клониться к улучшению» последнего, «стараясь приобрести все полезные нововведения или открытия, до нас еще не дошедшие». Кроме того, Рейхель должен был «сообразить, что из новых открытий и улучшений, т. е. машин и аппаратов, может быть сделано в России, и что необходимо заказать за границей, чего такой заказ будет стоить, с доставкой, установкой и ответственностью в исправном действии, и какого потребует времени». Наконец, Рейхелю

же предоставлялось право, «если представится удобный случай», приглашать на службу таких мастеров, какие могут понадобиться в Экспедиции после ее переоборудования⁶.

Одновременно с командировкой Рейхеля за границу в самой Экспедиции был образован, 24 января 1857 г., временный строительный комитет, состоявший из председателя, управляющего Экспедицией и пяти членов: главного строителя инженер-полковника Васильева и заведующих четырьмя отделениями Экспедиции: типографским, бумагоделательным, хозяйственным и летним. При комитете находилось еще два помощника главного строителя, архитекторы Маевский и Жибер, правитель дел, бухгалтер, казначей и другие чиновники и служители⁷.

Решив начать работы по возведению нового фабричного здания Экспедиции и перестройке прежних, строительный комитет признал наиболее выгодным для казны сдать всю строительную часть в подряд оптом, т. е. чтобы «подрядчики, принявшие сию постройку на себя, произвели оную из собственных материалов и своими рабочими людьми, сколько бы таковых материалов и рабочих людей ни потребовалось». На произведенных для этого публичных торгах низшая оптовая цена в 499.875 руб. за каменные и кровельные работы по постройке фабрики была указана сыном крестьянина, торгующего по свидетельству 1-го рода, П. О. Ивановым, а выковка железных балок и стропил для того же здания за цену в 447.500 руб. — поверенным дворянина Франца Берда⁸, великобританским подданным Карлом Бердом. По утверждению, довольно-таки затянувшимся, подрядов за этими лицами Сенатом, строительный комитет заключил 14 июня 1857 г. контракт с Ивановым, а 20 июня — с Бердом. Согласно этим контрактам, к работам приступили немедленно, и в том же 1857 г. на месте сломанного дома бывшего Павловского института была возведена вчерне половина фабричного здания Экспедиции, именно та, в которой должны были разместиться бумагоделательные мастерские⁹. Но с 1858 г. дальнейшее производство работ не могло уже вестись в сроки, установленные упомянутыми контрактами. Дело в том, что отчет, представленный новым управляющим типографским отделением Ф. Ф. Винбергом (рис. 29), ездившим за границу вместо умершего Рейхеля, убедил, что для устройства в России заведения, вполне отвечающего своему назначению в смысле улучшения и в то же время удешевления изделий Экспедиции, необходимо существенно переделать план технического переоборудования фабрики. Соображения на этот счет Винберга были приняты во внимание, и министр финансов вызвал в Петербург известного лондонского инженера и заводчика Донкина (рис. 30). Последний представил в апреле 1858 г. проект нового

устройства всей механической части в фабричном здании Экспедиции, который, по высочайшему одобрению 14 августа 1859 г., ему же и было предложено осуществить практически. Для более удобного и выгодного действия машин Донкин нашел нужным сделать довольно значительные изменения и дополнения в первоначально утвержденном Главным управлением путей сообщения и публичных зданий плане построек и перестроек Экспедиции. Так, вместо двухэтажного флигеля Д для помещения мастерских I и II отделений он предложил возвести два флигеля Д_I и Д_{II} с железными балками и стропилами, из которых один, двухэтажный, больших размеров, чем первоначально проектируемый, а другой, новый трехэтажный, вместо постройки особого одноэтажного флигеля для помещения паровых котлов — сделать каменную пристройку для этого к флигелю Д_{II}, где предположено было разместить мастерские II отделения.

Независимо от этого, с высочайшего разрешения, был заключен в 1858 г. с Донкиным другой контракт — на поставку для нового фабричного здания Экспедиции разных машин и приборов на сумму 114.802 фунт. стерл. или 803.614 руб. По контракту этому, между прочим, Донкин обязан был доставить машины и приборы в течение навигационных периодов 1859–861 годов, так, чтобы к весне 1862 г. производство в новой фабрике могло пойти полным ходом (рис. 31).

Так как возведение нового здания для мастерских Экспедиции, и в особенности для мастерских I отделения, по вышеупомянутым планами Донкина, находилось в тесной связи с установкой машин, приборов и вообще с устройством механической части, то, естественно, строительные работы производились уже не по срокам, назначенным в контрактах, заключенных строительным комитетом с Ивановым и Бердом, а соответственно с ходом работ, которые выполняли инженеры завода Донкина в области технического оборудования Экспедиции. По этой причине работы, назначавшиеся к окончанию по контракту Берда 20 сентября 1858 г., были выполнены лишь в 1860 г., а работы, назначавшиеся к окончанию по контракту Иванова к 1 сентября 1860 г, затянулись до конца 1862 г.¹⁰

Точно так же значительная задержка произошла и с производством работ по перестройке старого фабричного корпуса Экспедиции. Эта задержка была вызвана главным образом тем, что Общество санкт-петербургских водопроводов, с которым Экспедиция заключила в 1859 г. контракт на проведение невской воды, оказалось не в состоянии выполнить взятого на себя обязательства. Ввиду этого строительный комитет испросил в 1861 г. высочайшее разрешение на устройство в Экспедиции, по проекту Донкина, собственного водопровода из речки

Черной и собственных фильтров. Однако непомерно высокий уровень воды, державшийся в течение последних месяцев 1861 г., заставил отложить до будущего года как закладку фундамента под паровые машины на Подзорном острове, так и проводку труб через речки Черную и Таракановку. Благодаря этому вода могла быть впущена в фильтры, устроенные на приобретенном Экспедицией от Сивковой за 50.000 руб. пустопорожном месте только в апреле 1862 г., после чего лишь начался перевод из старого здания в новое мастерских, производство которых находилось в зависимости от воды: черпальной, рольной и других. Разборка же в старом фабричном здании машин с приводами и приспособление его под жилые помещения потребовали более полутора лет¹¹.

Одновременно с этим происходили и работы по капитальному ремонту приобретенного Экспедицией дома, принадлежавшего почетному гражданину Гудкову и расположенного по соседству с вновь возведенным фабричным зданием. Дом этот вместе с домами купцов Риттиха и Федорова и жены отставного титулярного советника Измаиловой еще в 1857 г. был снят Экспедицией для размещения в нем служащих и рабочих, которые ранее жили в здании бывшего Павловского института, предназначенного к сломке¹².

В 1862 г. решено было дом и место Гуткова купить за 43.000 руб., так как с приобретением их уничтожалась чересполосица, значительно увеличивавшая расходы по перевозке дров, угля и прочих материалов с бывшего места Сивковой на фабрику и в жилые здания Экспедиции, а кроме того, сохранялся в неприкосновенности лазаретный флигель, который проектировалось приспособить под жилые помещения, а самый лазарет перевести в какое-нибудь специально нанятое для этого здание. Высочайшее разрешение на покупку было получено 1 июня того же 1862 г., после чего начался капитальный ремонт дома, в целях приспособления той части его, которая состояла из двух этажей, к помещению холостых рабочих, а трёхэтажной части — к помещению женатых¹⁴.

Все эти дополнительные заботы, связанные с окончательным переустройством Экспедиции, были выполнены к 1 января 1864 г. Таким образом, полная перестройка и переоборудование Экспедиции заняли около 7 лет. В результате Экспедиция получила четырехэтажное каменное здание под мастерские, в общей сложности на площади 220 кв. саж., стоимостью в 850.000 руб. (рис. 32). Все балки, стропила, двери, рамы, перегородки и т. п. в этом здании были сделаны из железа, на что потребовалось до 700.000 руб. Возведение под машины, станки и аппараты прочных фундаментов вместе со всем вообще механическим оборудованием стоило около 250.000 руб. На устройство парового и водяного ото-

пления в фабричном здании, требующем разного рода и степени температуры, сообразно с различными операциями, производившимися в тех или иных мастерских, было израсходовано до 47.000 руб. Вода в Экспедицию доставлялась из рукава Невы, для чего на Подзорном острове было построено водоподземное здание и установлены в нем две паровые машины; от этого здания были проложены по Рижскому проспекту, на протяжении 850 сажен, чугунные трубы, посредством которых вода попадала в возведенные во дворе Экспедиции два здания с устроенными в них в большом размере фильтрами. Водопровод этот при полном ходе давал до 250 куб. фунтов в минуту совершенно очищенной воды. В связи с этим в Экспедиции была устроена система пожарных кранов, действующая напором воды из баков, а в случае необходимости — давлением паровых машин. На все это потребовалось около 344.000 руб. При Экспедиции был устроен газовый завод, добывающий 60.000 куб. фунтов самого очищенного газа для освещения фабрики, требующей до 30.000 огней; этим же газом освещались также дворы и лестницы Экспедиции. Завод этот стоил 124.000 руб. Механическое оборудование Экспедиции заключалось в 13 паровых машинах, не считая двух водоподъемных, одной бумагоделательной и до 650 разного рода других машин и приборов, и также до 800 станков, верстаков, чанов и прочих орудий для работ в мастерских. На все это было израсходовано до 805.000 руб. Кроме фабричного здания, были возведены два новых корпуса для помещения женатых мастеровых, заключающие в себе 357 отдельных номеров, и капитально перестроены пять старых зданий, в которых находились квартиры для администрации, чиновников, мастеров и холостых рабочих, что стоило около 620.000 руб. Вся перестройка и переоборудование Экспедиции обошлись, таким образом, в 3.812.050 руб. 26 коп., между тем как ассигновано было в разные сроки 3.836 919 руб. 1 коп.¹⁵

Все означенные работы были освидетельствованы лицами, командированными от Министерства финансов и Главного управления путей сообщения и публичных зданий, а именно: членом общего присутствия Департамента проектов и смет архитектором Кузьминым, чиновником особых поручений Леннем и механиком мануфактурного совета Лабзиным¹⁶. Лица эти признали как строительную, так и механическую часть в Экспедиции выполненной, в общем, превосходно. Особенно удачно, по сравнению с прежним временем, было проведено размещение мастерских, основанное не только на ряде производящихся в них работ, но и в целях возможного облегчения присмотра и отчетности. Устройство паровых машин и приводов от них и их взаимное расположение, позволявшее, смотря по надобности, действие одной машины легко и быстро

заменять действием другой, не только давали блестящие экономические результаты, но и вполне обеспечивали безостановочность производства, предоставляя правительству возможность удовлетворять во всякое время все потребности в государственных бумагах, между тем как для достижения этого последнего условия заведения, подобные Экспедиции, в Австрии и в Англии были устроены в двойном комплекте. Но не одни паровые двигатели, а и все вообще исполнительные механизмы оказались очень удачно устроенными. При ежедневной работе 300-сильных паровых машин и огромном числе приводов действие всего механизма производилось без всякого сотрясения, столь вредного для фабричного здания и поглощающего часть полезных сил и топлива. Трение во всем механизме было уменьшено до крайних пределов, ручной труд, где было возможно, заменен машинным; вредное влияние пыли и хлорного газа на здоровье рабочих при обработке пеньки и тряпья устранено достаточно сильной вентиляцией. Словом, тщательное выполнение глубоко обдуманного, главным образом инженерами завода Донкина, нового устройства Экспедиции поставило ее в ряд с лучшими подобными учреждениями за границей. Результаты этого сказались в самом близком будущем как в смысле увеличения количества изготовлявшихся в Экспедиции государственных бумаг, так и в смысле уменьшения издержек, связанных с их производством: так, в 1860 г. было приготовлено 36 миллионов листов разных государственных бумаг, и стоили они 663.000 руб., а в 1863 г. первая цифра поднялась до 60 миллионов, вторая же упала до 550.000!

II

Одновременно с переустройством и техническим переоборудованием Экспедиции разрешался и вопрос о замене в Экспедиции обязательного труда трудом вольнонаемным. Вопрос этот возник в Экспедиции в том же 1857 г., когда приступили к ее переустройству и улучшению оборудования мастерских. Но это было случайное, чисто хронологическое совпадение, так как руководившие тогда жизнью Экспедиции лица еще совершенно не сознавали, что сколько-нибудь серьезный технический прогресс немислим без превращения крепостного рабочего в свободного. Поводом к постановке указанного вопроса, притом не во всем его объеме, а в очень узких пределах, послужил указ об уничтожении особого состояния связанных обязательной службой солдатских детей, данный Сенату 25 декабря 1856 года. Указом этим предписывалось «во внимание к заслугам армии и флота в минувшую войну, возвратить для

пособия родителям и родственникам всех тех солдатских и матросских детей и кантонистов, кои по день всемилостивейшего манифеста 21 августа того года не поступили на действительную службу»¹⁷.

В составе рабочей команды Экспедиции Заготовления Государственных Бумаг, как было указано выше, находилось, между прочим, немало детей рабочих и нижних служителей из Военного ведомства. Они получали пособия от Экспедиции и обычно обучались в ее школе, за что, по достижении 12- или 14-летнего возраста, должны были зачисляться в качестве рабочих на службу. В рассматриваемое время детей мастеровых из военного звания насчитывалось в Экспедиции 82, в том числе уже работавших в мастерских — 14. Теперь, с изданием упомянутого указа, которым правительство только что вступившего на престол Александра II сделало первый робкий шаг в деле отмены крепостного права, в правление Экспедиции стало поступать немало просьб со стороны родителей и родственников о возвращении им детей. Правление Экспедиции, представив свои соображения относительно возможности распространения указа 1856 г. и на лиц, поступивших на службу в Экспедицию из военного звания, обратилось за соответствующими указаниями в Министерство финансов. Последнее, в свою очередь, запросило военного министра ген.-адъют. Сухозанета, который ответил, что, так как рабочая команда Экспедиции исключена из Военного ведомства, к детям ее высочайший указ может быть применен лишь после того, как будет испрошено на это особое разрешение государя¹⁸. Тогда министр финансов вошел с соответствующим представлением в Государственный совет, который в общем собрании 2 июня 1858 г. и положил мнение это представление принять. Согласно мнению Государственного совета, получившему высочайшее утверждение 16 июня того же года, дети мастеровых из нижних воинских чинов, поступившие в рабочую команду Экспедиции, не достигнув еще по день издания манифеста 21 августа 1856 г. 12-летнего возраста, увольняются в свободное состояние, кроме, однако, тех, о которых не поступит просьб со стороны их родителей или родственников до 1 августа 1858 г. Всем увольняемым до 12 лет выдаются пособия, в силу высочайше утвержденного журнала Комитета министров от 17 января и 28 февраля 1820 г., из прибылей Государственного заемного банка, выдаваемых вообще на содержание рабочей команды Экспедиции. Что касается детей, зачисленных в штат Экспедиции по достижении ими 12-летнего возраста, а также и круглых сирот, то они остаются на прежних основаниях, с той лишь разницей, что срок их службы сокращается с 25 лет до 20 лет¹⁹. Таких детей оказалось в Экспедиции 27 чел., из которых 11 принуждены были остаться ввиду их воз-

раста, а 16 — потому, что об их возвращении не поступило ходатайств со стороны их родственников²⁰.

Почти одновременно с проведением в жизнь указанной меры Экспедиции пришлось заняться и более общим вопросом об освобождении от принудительного труда целой категории взрослых рабочих, именно тех, которые поступили в рабочую команду из военного звания. Инициатива в этом отношении принадлежала военному министру Сухозанету, который во исполнение неоднократно выражаемого ему Александром II желания сократить численность армии в целях облегчения для податных сословий рекрутской повинности, предполагал возможным упразднить все мастеровые, нестроевые и служительские команды, состоявшие при разных ведомствах и пополнявшиеся рекрутами. Ведь, по существу дела, — писал Сухозанет министру финансов от 12 февраля 1858 г., — народ должен давать рекрут для строя, но не для выполнения ими обязанностей, ничего общего не имеющих с военной службой. Кроме того, замена нестроевых команд вольнонаемными людьми, преимущественно из бессрочно отпускных и отставных нижних чинов, принесет несомненную пользу как этим последним, открыв им новый способ к обеспечению средств существования, так и самим учреждениям, которые воспользуются их услугами: во-первых, люди эти приобрели на военной службе весьма ценные привычки дисциплины и порядка, во-вторых, их труд будет значительно интенсивнее труда принудительного, а это, без сомнения, с избытком окупит сравнительно большие расходы по их содержанию.

Так как в Экспедиции Заготовления Государственных Бумаг насчитывалось в это время до 590 мастеровых из рекрут, при общем числе их 643, то министр финансов, ознакомив управляющего Экспедицией с предположением Сухозанета, затребовал мнения по этому поводу правления Экспедиции²¹. Опрошенные, со своей стороны, С. А. Ремезовым заведующие главными отделениями Экспедиции, бумагоделательным и типографским, А. Бухмейер и Ф. Винберг, дали прямо противоположные отзывы, представляющие собой характерную апологию принудительного труда и труда вольнонаемного. Первый из них, А. Бухмейер, полагал, что в бумагоделательном отделении можно было бы заменить, согласно предложению военного министра, отставными и бессрочно отпускными нижними чинами лишь простых чернорабочих, но отнюдь не сколько-нибудь опытных мастеровых, «в том уважении, что отставные и бессрочно отпускные, как отслужившие уже службу, находятся в преклонных летах», а «посему бесполезно было бы ожидать от них тех же самых способностей и успехов при приучении к работам, какие оказы-

вают молодые люди, прижитые (sic!) в Экспедиции, или рекруты». Напротив, заведующий типографским отделением Ф. Ф. Винберг убежден, что при замене военных мастеровых вольными «искусство печатания» только выиграет. «При употреблении вольнонаемных людей, — писал он, — представляется возможность выбирать и определять работников более способных и подготовленных, через что, конечно, представится возможность уменьшить число их против поступающих из Военного ведомства».

Большинство правления Экспедиции стало на точку зрения А. Бухмейера, и С. А. Ремезов представил министру финансов пространный доклад, направленный в защиту необходимости для Экспедиции по-прежнему пользоваться принудительным трудом присылаемых из Военного ведомства рекрут.

При обсуждении вопроса, можно ли будет свыше 500 рабочих из рекрут «заместить вольнонаемными, совершенно способными и благонадежными людьми и без особенного ущерба для казны», было признано, — говорится в рассматриваемом докладе, — что сделать это представляется допустимым лишь в отношении не более 150 чел., которые «оказываются к производящимся в Экспедиции работам неспособными, непонятливыми, нерадивыми и даже дурного поведения», да и то только в том случае, «если бы содержание их не превышало той суммы, какая положена по штату на каждого мастерового, т. е. по 71 р. 42 к. в год». Но на последнее рассчитывать немыслимо, ибо «опыт показывает, что при найме счетчиков, присяжных и сторожей, большею частью из бессрочно отпускных и отставных солдат, ни один из них не соглашается служить менее как с жалованьем от 85 до 125 руб. в год и, на основании узаконений, по прошествии каждых 5-и лет требует прибавки одной трети». Что касается остальных рабочих, поступавших из Военного ведомства, то их, по мнению правления, «никак нельзя заменить вольнонаемными» по следующим уважительным причинам: а) «производящиеся в Экспедиции работы не могут быть применены к каким-либо другим фабричным, они, кроме физической силы, требуют навыка, ловкости, точности и тайны»; б) рабочие из рекрут как раз отвечают всем этим требованиям, так как они «приучаются к некоторым из сих работ по несколько лет, пока достигнут совершенства, и, как им известно, что они до выслуги определенного урока уволены не будут, то усердные стараются достигнуть в искусстве работ даже до звания подмастерьев»; в) заменить поэтому таких рабочих вольнонаемными «не только не благонадежно, но опасно и убыточно: человек хотя несколько приспособленный и навычный к работам, производящимся в Экспедиции, менее 250 руб. в год

не возьмет»²²; не говоря уже о том, что при вольнонаемном труде невозможно будет «обеспечить ту тайну, с которой производятся ныне денежные знаки». К этому следует присоединить и то соображение, что при освобождении рабочих из военного звания подымется ропот и среди рабочих из крестьян бывших Царскосельской и барона Ралля фабрик, состоящих в Экспедиции «как бы на крепостном праве». Ввиду всего вышеизложенного правление Экспедиции делало тот вывод, что «Экспедиция по ходу своих работ и средств не может обойтись без назначения в ее рабочую команду рекрут молодых и способных».

Доклад С. А. Ремезова был рассмотрен особой комиссией, учрежденной при Министерстве финансов для изыскания мер к улучшению быта находившихся в его ведомстве заводских людей. Комиссия признала вполне правильной точку зрения правления Экспедиции и вынесла постановление об оставлении рабочей команды последней «на ныне существующем положении, впредь до дальнейших распоряжений о комплектовании рабочих подобных заведений Военного ведомства». Министр финансов это постановление утвердил, о чем и было дано знать в Военное министерство²³. Последнее, однако, не удовлетворилось этим. Ген.-ад. Сухозанет снова написал министру финансов пространное отношение, в котором подверг довольно основательной критике все те доводы, какие привел управляющий Экспедицией в защиту необходимости принудительного труда. Никаких затруднений в приискании вольнонаемных людей, по мнению военного министра, не может встретиться, так как замена ими нижних воинских чинов будет производиться постепенно. Вольнонаемных, по принятии в Экспедицию, без сомнения, придется некоторое время обучать, но ведь и нижние чины не могут обойтись без предварительной выучки, тем более что они «назначаются военным ведомством по необходимости, без разбора их годности». Что касается сохранения вольнонаемными тайны производства, то министр полагает, что «постановление извечных необходимых правил по сему предмету и строгое взыскание за нарушение их, при хорошем вознаграждении за труд, послужат лучшим ручательством за исправное исполнение возложенных на них обязанностей». Дисциплинированность вольнонаемных может быть не хуже дисциплинированности рабочих из военного звания, так как последние ведь поступали в Экспедицию молодыми рекрутами и, значит, указанное качество приобретали не на военной службе. Не следует опасаться и роста расходов по содержанию вольнонаемных, которых, без сомнения, потребуются гораздо меньшее число: «наемный человек, получая хорошую плату за труды, добровольно им на себя принятые, будет работать с большей охотой и старанием, нежели солдат»²⁴.

В результате Министерство финансов принуждено было опять пересмотреть вопрос о комплектовании рабочих команд рекрутами, причем на этот раз новый министр финансов, А. Е. Княжевич, уже сам определенно стал на освободительную точку зрения, получив в 1857–1860 гг. ряд разрешений государя на замену вольнонаемными мастеровых и служителей из рекрут в разных учреждениях ведомства, в том числе и в Экспедиции Заготовления Государственных Бумаг, причем замену эту решено было производить постепенно, по мере смерти или выхода в отставку нижних чинов»²⁵. Отметим кстати, что уже к январю 1860 г. в Экспедицию было принято, на место прежних рабочих из военного звания, 58 чел. по вольному найму, с жалованием в 160 руб. в год каждому²⁶. С этого времени был прекращен прием рекрут в состав рабочей команды Экспедиции.

Шаги в отношении освобождения мастеровых из военного звания от обязательного труда, предпринятые по почину военного министра, а также указ 1856 г. о детях этих мастеровых нашли живой отклик и в остальной части рабочих Экспедиции. Часть эта, именно рабочие из крестьян бывшей Царскосельской фабрики и фабрики барона Ралля, подали 15 сентября 1858 г. С. А. Ремезову следующее любопытное прошение: «Превосходительный Генерал! Святое добро, делаемое Вами, не останется у Вышнего без награды. Мы, крестьяне Экспедиции Заготовления Государственных Бумаг, осмеливаемся утрудить особу Вашего Превосходительства, смиренно умоляем Вас, как дети. На многих распространена высочайшая милость — на работников Адмиралтейства, охтян и пр., которые в настоящее время совершенно уже свободны. Осчастливьте вы нас увольнением, даруйте нам свободу. И мы тогда воспоем со псалмопевцем величие ваше, род и род восхвалит дела твои, и силу твою возвестит память множества, благодти твои отрыгнут и правдой твоей возрадутся». Ремезов от 14 октября 1858 г. довел об этом прошении до сведения министра финансов, прибавив от себя, что он лично не считает возможным заменить привыкших к бумажному и типографскому делу казенных рабочих вольнонаемными, но допускает лишь, что состоящих при Экспедиции в рабочей команде 83 человек следует сравнять в правах с мастеровыми из военного звания, определив для них срок службы в 25 лет и сохранив за ними пенсию при увольнении на прежнем основании; что же касается до казенных рабочих, не способных к труду или больных, а также их детей, то для немедленного освобождения как тех, так и других никаких препятствий не встречается. Представление С. А. Ремезова было передано министром на заключение А. Н. Кованько 1-го, в общем согласившегося с точкой зрения управляющего Экспедицией²⁷.

Между тем пора отдельных мероприятий для улучшения быта казенных рабочих прошла, так как правительство Александра II мало-помалу склонилось к мысли о необходимости общей отмены крепостного права. В частности, Министерство финансов уже в начале 1859 г. начало думать об отмене обязательного труда горнозаводских казенных мастеровых. Ознакомив с предположениями на этот счет министерства, Особенная канцелярия по кредитной части предложила 12 июня 1859 г. и правлению Экспедиции Заготовления Государственных Бумаг сообщить ей свое заключение относительно рабочей команды Экспедиции, в соответствии с тем, как это уже сделал С.-Петербургский монетный двор. Правление Экспедиции снова запросило заведующих отделениями, причем на этот раз и вновь поставленный во главе бумагоделательного отделения, подобно Ф. Ф. Винбергу, ответил, что «по мастерским I-го отделения не представляется больших затруднений к освобождению мастеровых Экспедиции от крепостной зависимости и о замене труда обязательного трудом свободным». Ввиду этого теперь и само правление Экспедиции, во главе с новым управляющим ее А. И. Кованько, значительно сдвинулось со своей прежней непримиримо враждебной делу освобождения рабочих позиций²⁸.

Как известно, вслед за разработкой вопроса об отмене крепостного права отдельными ведомствами, вопрос этот был передан на окончательное разрешение так называемого Главного комитета об устройстве сельского состояния. Выработанное последним «Положение» о горнозаводском населении казенных горных заводов ведомство Министерства финансов получило 8 марта 1861 г. высочайшее утверждение, а затем 21 марта того же года был утвержден государем и журнал Главного комитета, распространивший установленные этим положением правила о мастеровых при монетных дворах и на мастеровых Экспедиции Заготовления Государственных Бумаг²⁹. Согласно этим правилам, «мастеровые чины» монетных дворов и вообще «горнозаводские нижние рабочие чины», а теперь и ниже-служительская команда Экспедиции, «навсегда и с потомством» освобождались от обязательной службы не позже 2 лет со дня обнародования «Положения», с предоставлением им прав свободных городских или сельских обывателей. Самое увольнение в свободное состояние не позже 2 лет должно было совершаться в следующем порядке: немедленно со дня обнародования на месте «Положения» освобождались мастеровые, прослужившие 20 лет, через год — имевшие 15-летнюю выслугу и через два года — все остальные. Получившие увольнительные свидетельства могли оставаться на службе не иначе, как по добровольному найму и договорам, причем получали

некоторые льготы в личных повинностях, которым подлежали все свободные обыватели.

В Экспедиции, на основании «Положения» 21 марта 1861 г., подлежало увольнению 82 человека, поступивших в нее с бывшей Царскосельской бумажной фабрики и от барона Ралля. Из них трое прослужили более 40 лет, 16 — от 25 до 30 лет и 18 — более 20 лет. Всем этим лицам было предложено новым управляющим Экспедицией Ф. Ф. Винбергом немедленно получить увольнительные свидетельства, необходимые им для приписки их к городским или сельским обывателям. Однако распоряжение о сообщении списков мастеровых, прослуживших свыше 20 лет, в надлежащие городские или сельские управления пришлось приостановить, так как все они, без исключения, объявили о своем желании остаться на службе. Желание их было вызвано тем, что среди них распространился слух, будто они, раз приписавшись к сословию крестьян и мещан и, значит, покинув Экспедицию, потеряют право ходатайствовать о награждении их за долговременную службу. А между тем такого рода просьбы многими из них были уже поданы управляющему Экспедицией. Так, одни просили последнего исходатайствовать им разрешение, по освобождении, вступать в гражданскую службу и получать чины, подобно тому, как это было предоставлено горнозаводским урядникам, другие — предоставить в их пользование Екатеринбургскую фабрику взамен тех усадеб, какими наделялись освобождавшиеся горнозаводские рабочие.

Доведя до сведения министра финансов ходатайства мастеровых, Ф. Ф. Винберг, в свою очередь, находил чрезвычайно полезным для Экспедиции удержать их на службе, особенно ввиду того, что многие из них являлись выдающимися специалистами, которых, действительно, было бы трудно в короткое время заменить другими. С этой целью он и вошел с целым рядом докладных записок в Министерство финансов, ходатайствуя о выдаче заслуженным мастеровым наград медалями и деньгами, о даровании лучшим из них почетного гражданства и особенно о назначении им пенсий, определенных «Положением» для рабочих горнозаводских монетных дворов. Эти последние, на основании прежде изданных по этому поводу узаконений, получали пенсии в размере четверти оклада за 20-летнюю выслугу, одной трети — за 25-летнюю, половины за 30-летнюю и полное жалование — за 40-летнюю, причем желающим было предоставлено «Положением» 21 марта 1861 г., с разрешения начальства, дослужить установленные сроки для получения прав на пенсионное обеспечение.

III

Неуклонный рост производства Экспедиции в связи с усложнением, в видах возможного затруднения подделки ценных государственных бумаг, самого производственного процесса, внес с течением времени значительные изменения в ее административный строй и особенно в действовавший в ней порядок счетоводства и отчетности. Чем дальше, тем больше приходилось отступать от тех «Правил», которые были утверждены министром финансов еще в 1821 г., в развитие «Положения» об Экспедиции 21 августа 1818 г. Изменения эти, вызывавшиеся требованиями момента, не могли не носить часто совершенно произвольного характера и в конце концов привели внутреннюю жизнь Экспедиции в довольно хаотическое состояние, ярче всего сказавшееся, как мы видели³⁰, в расстройстве ее контрольно-счетной части и остановке какого бы то ни было технического прогресса.

Но особенно настоятельная необходимость организовать управление Экспедиции на новых основаниях и предоставить ей материальные средства, вполне соответствующие ее деятельности, особенно остро обнаружилась в период переустройства ее мастерских сообразно требованиям техники и замены обязательного труда вольнонаемным. Управлявший тогда Экспедицией А. Кованько вполне правильно полагал, что дело не должно ограничиться только введением нового штата, увеличивающего количество рабочих сил, но что следует радикально изменить и тот руководящий принцип, который был положен законодателем в основу деятельности учреждения при самом его возникновении. Как было указано выше, на Экспедицию смотрели не как на промышленное предприятие, а как на особое присутственное место, так и называвшееся первое время Департаментом³¹. В силу этого во главе Экспедиции было поставлено, вместо одного лица, целое правление, которое действовало на общих правилах, регулировавших порядок делопроизводства во всех вообще коллегиальных правительственных учреждениях.

В своем докладе министру финансов³² А. Кованько справедливо подчеркнул, что уже одно это обстоятельство, по мере расширения и усложнения действий Экспедиции, порождало в ее жизни целый ряд ненормальных явлений. Так, требовалось, напр., чтобы заготовка кредитной и прочей гербовой бумаги, а также отпечатывание первой и штемпелевание второй производились в отделениях Экспедиции под непосредственным руководством правления, в присутствии отряжаемых им ревизоров и при деятельном контроле со стороны двух его членов. Такой порядок, прежде всего, приводил к тому, что количество бумаг, посту-

павших в правление, доходило до колоссальной цифры и отнимало для совершенно непроизводительного труда большое количество людей и времени. Часть из этих бумаг была прямым следствием коллегиального устройства Экспедиции и могла быть легко уничтожена вместе с последним. Таковы, напр., были представления о найме и увольнении сторожей и рабочих, об их аресте, провинностях и пр., журналы правления по всем этим делам, выписки из них для отделений и т. п. Другая часть бумаг требовала всего лишь исполнения, а между тем их выносили на обсуждение. Это были предложения министра финансов, представления о выдаче жалования и пр. Третья, самая меньшая, часть действительно могла бы подлежать рассмотрению в правлении, если бы члены правления были близко знакомы с производством отделений, со способами выделки и печатания бумаг, со временем, необходимым для выполнения тех или иных работ, наконец, с ценами на различные предметы и рабочие руки. На самом же деле этого не было, да и не могло быть: в лице членов правления трудно было встретить специалистов на все руки. Немудрено, что при обсуждении всех этих вопросов правлением обыкновенно принимались во внимание мнения управляющих отделениями, и таким образом его постановления носили по преимуществу чисто формальный характер.

Кроме увеличения бесполезной переписки, коллегиальный строй Экспедиции наносил нередко своей формалистикой и прямой вред фабричному делу, замедляя производство работ и уже одним этим увеличивая расходы на него. Понадобится ли принять или уволить рабочего, переменить испорченную или износившуюся часть какой-нибудь машины или аппарата, которую нельзя сработать собственными средствами, — отделение должно было входить с представлением в правление. Здесь составлялось журнальное постановление, на основании которого предписывалось эконому, по представленной из отделения модели, заказать на одном из заводов означенную часть механизма, предварительно представив на утверждение правления соответствующую смету. Такого рода формальности, естественно, были способны совершенно парализовать не только всякий рост техники, но даже и возможность поддержать оборудование Экспедиции на уже достигнутой высоте.

Еще менее соответствовало существу дела возложение на членов правления наблюдения за отдельными частями Экспедиции, имеющими особых управляющих, и в особенности за мастерскими. Если начальники бумагоделательного и типографского отделений, правитель канцелярии, бухгалтер, полицмейстер и эконом лично отвечали за свою деятельность, то разделение этой ответственности между высшими лицами, не участво-

вавшими в самом ведении дела, и низшими давало много поводов последним затягивать исполнение одних действий и совершенно не выполнять, без непосредственного приказа начальства, других.

Невыполнимой оказалась и деятельность отражаемых правлением Экспедиции в отделения ревизоров. Они обязаны были смотреть, чтобы в отделениях не отливалось и не печаталось больше назначенного правлением количества бумаг, и вести счет в шнуровых книгах всему сработанному в течение дня, а по окончании работ представлять сведения об этом управляющему Экспедицией и правлению. Раньше эти записи ревизоров служили для правления поверкой справедливости ежедневно представляемых отделениями отчетов о количестве отлитых или отпечатанных листов и приготовленных вещей. С увеличением же размеров производства и числа мастерских ревизоры передали ведение этих записей чиновникам, наблюдавшим за рабочими, а сами превратились в смотрителей мастерских. Не могли они теперь и ежедневно доставлять в правление для хранения формы, штемпеля, матрицы и стереотипы, так как все это постоянно требовалось в отделениях при безостановочности работ.

В особенно же неудовлетворительном положении очутилась бухгалтерия Экспедиции. Она была в состоянии более или менее успешно осуществлять свои задачи, пока производство бумаги не превышало 10 миллионов листов в год. Но этот предел был давно уже перейден, и с того времени начались крайняя запутанность и сбивчивость бухгалтерских денежных счетов, почти полное отсутствие счетов формам, штемпелям, матрицам, стереотипам, шрифту, машинам и инструментам и недостаточность материальных счетов, которые велись не по мере расходования материалов, а по мере их заготовления экономом и отпуска в отделения. Много вредило успешности бухгалтерии и разделение ее на бухгалтерию правления и бухгалтерию отделений, что также отличало и кассу Экспедиции.

Подробно выяснив указанные дефекты, А. Кованько считал единственно возможным для их устранения, прежде всего, сосредоточение управления Экспедицией в одних руках и затем проведение этого принципа сверху донизу. Планы Кованько были приняты во внимание министром финансов А. Ф. Княжевичем, при содействии которого и были выработаны в соответствующем духе новое положение об Экспедиции и ее новый штат. «Все исчисленные неудобства (прежнего порядка вещей в Экспедиции), — писал министр в своей объяснительной записке³³, представленной вместе с проектом положения и штата в Государственный совет, — устранятся сами собой, если состав управления Экспеди-

ции будет соответствовать цели учреждения ее, цели прямо фабричной. От фабрики можно ожидать успеха только тогда, когда управление ее будет сосредоточено в одном лице, когда каждый из заведующих отдельными частями отвечает лично за правильный ход дела и за все упущения; когда все служащие, обеспеченные содержанием и заинтересованные в успехе самого производства, будут дорожить местом, будут заботиться о сбережении каждой безделицы, об устранении малейшего препятствия, мешающего делу, когда, наконец, каждый рабочий будет знать, что *делать хорошо* побуждает его собственная выгода».

Государственный совет вполне одобрил представленные ему проекты нового положения и штата Экспедиции, которые и получили 7 февраля 1861 г. высочайшее утверждение.

По новому положению³⁴ Экспедиция представляла собой правительственное учреждение, действовавшее под ведением министра финансов, на коммерческих началах, и существовавшее на собственные средства; средства эти составлялись из сумм, получаемых в виде уплаты, во-первых, за правительственные наряды — по определенной законом однообразной цене в 1 коп. за лист — и, во-вторых, за заказы частных обществ и лиц — по вольным ценам. Прибыли, образовавшиеся путем сбережений в расходах и удешевления теми или иными способами производства, поступали по окончании операционного года в разделе между казной и служащими Экспедиции: поровну — в случае, если общая сумма прибылей не превышала 25 % валового дохода, и в несколько иной пропорции — при более значительных прибылях.

Непосредственное управление Экспедицией вверялось одному лицу — управляющему, который, как говорилось в ст. 15 «Положения», есть «полный в оной хозяин и отвечает пред высшим начальством за сохранение порядка, за целость переданного Экспедиции имущества и за исправное и удовлетворительное исполнение нарядов». Заготовка материалов, приобретение машин, наем рабочих, мастеров и художников, распределение занятий и весь распорядок за сохранность имущества и изделий — вообще все хозяйство Экспедиции было возложено на ответственность управляющего, который осуществлял свою деятельность с помощью штата чиновников, низших служащих и военного караула, охранявшего здания, кладовые и мастерские Экспедиции. Ближайшими сотрудниками управляющего были его товарищ, правитель дел, бухгалтер, кассир, смотритель зданий, заведывающие отдельными частями: приемной, магазином и кладовой готовых изделий, и четыре техническими отделениями: бумагоделательным, типографским, граверным и ремонтным, наконец, врач и архитектор. Все эти лица, за

исключением товарища управляющего, который назначался министром финансов, определялись управляющим Экспедицией частью с утверждения названного министра, частью самостоятельно.

В целях контроля Экспедиция была обязана доставлять министру финансов еженедельные краткие записки обо всем сделанном ею, а также месячные и годовые ведомости о приходе и расходе сумм, материалов и вещей, о количестве заготовленных бумаг и о том, сколько и куда этих бумаг отпущено. Со своей стороны, Министерство финансов должно было не менее двух раз в году производить посредством особо назначенных для этого чиновников ревизию и осмотр денежных сумм, материалов, машин и строений Экспедиции, чтобы иметь возможность удостовериться, что все содержится в исправности, и наличность согласна со счетами Экспедиции. Независимо от этого Экспедиция, по окончании каждого года, представляла полный отчет в своей деятельности государственному контролеру, отправляя копию с такового отчета министру финансов.

Сравнивая новое «Положение» об Экспедиции с прежним, легко заметить, что в состоянии Экспедиции произошли весьма существенные перемены к лучшему. Прежде всего с сосредоточением власти в руках одного лица – управляющего – прекратилось столь вредное для промышленного предприятия разъединение управления и уничтожилась лишняя и бесполезная переписка, препятствовавшая правильному ходу работ и удорожавшая производство. Далее, при слиянии трех бухгалтерий в одну получалась полная возможность иметь во всякое время точные данные относительно оборота и состояния сумм, как денежных, так и материальных, а учреждение, вместо трех, одной кассы и производство всех более или менее крупных платежей посредством ассигновок на Государственный банк, где хранились поступающие в распоряжение Экспедиции средства, значительно упростило ведение кассовых книг и вообще кассовые операции. Наконец, упразднение лишних должностей вроде полицмейстера или ревизоров в отделениях, более точное распределение обязанностей между служащими, право приглашения на службу лиц из всех сословий, повышенное вознаграждение за труд, притом основанное на принципе участия в прибылях предприятия, – все это, вместе взятое, не могло не подействовать обновляюще на служебный персонал Экспедиции и его деятельность, тем более что во главе Экспедиции высочайшим указом от 17 февраля 1861 г. был поставлен энергичный и знающий человек, бывший капитан корпуса инженеров путей сообщения Ф. Ф. Винберг³⁵.

Вскоре после введения в действие нового «Положения» об Экспедиции, Экспедиция высочайшим указом от 14 апреля 1862 г. в деле

заготовления и выпуска кредитных билетов была подчинена Государственному банку³⁶. Мера эта логически вытекала из указа, данного Правительствующему сенату 31 мая 1860 г., согласно которому Экспедиция государственных кредитных билетов была соединена с Государственным банком, вследствие чего к последнему перешли и все те функции, какие были возложены на указанную экспедицию манифестом от 1 июня 1843 г. На этом основании разменный металлический фонд, предназначенный на покрытие кредитных денег, поступил в ведение Государственного банка, который вместе со слившейся с ним Экспедицией и был обязан производить обмен кредитных билетов ветхих на новые, крупных на мелкие и обратно, разменивать их на звонкую монету и принимать золото и серебро в слитках, с выдачей за них кредитных билетов. Количество же кредитных билетов, как выпущенных в обращение, так и находящихся в запасном капитале Экспедиции, а также и их разменный фонд подлежали главному контролю Совета государственных кредитных установлений. Понятно, что в создавшихся условиях производство для всех означенных операций кредитных билетов в Экспедиции Заготовления Государственных Бумаг уже не могло происходить по нарядам министра финансов, а всех других бумаг — с его ведома. С этого времени наряды на кредитные билеты и государственные процентные бумаги стали делаться по Экспедиции распоряжениями не кредитной канцелярии Министерства финансов, а правления Государственного банка, в которое также предварительно обращались и прочие правительственные места и частные общества и лица со своими заказами на ценную бумагу. Отметим кстати³⁷, что к Государственному банку с 1864 г. перешло и грифование кредитных билетов, так как министр финансов считал «важным преимуществом», чтобы окончательная отделка бумажных денег не производилась в том самом учреждении, которое их изготовляло.

Из реформ, проведенных в Экспедиции в 60-х годах, отметим, в заключение, еще одну, а именно: в видах успешного развития действий Экспедиции, новый ее управляющий Винберг большое внимание уделил улучшению материального положения служащих и рабочих³⁸. При нем, во исполнение ст. 13 и 14 «Положения» об Экспедиции, была учреждена вспомогательная касса для выдачи единовременных и постоянных пособий лицам, которые получали регулярное жалование не ниже 120 руб. в год. Таких в это время в Экспедиции насчитывалось до 1000, при общем количестве в 1400 человек с лишним. Лица эти, в 1865 г., распределялись так: в первом отделе, т. е. служащих, состояло 88 человек, и они получали содержания 114.000 руб.; во втором отделе, т. е. рабочих на постоянном жаловании, было 923 человека, и их за-

работок доходил до 163.000 руб. Кроме них, в Экспедиции насчитывалось 104 человека, получавших менее 120 руб. в год, и до 300 мужчин, женщин и детей, работавших задельно³⁹. Первое отчисление денег во вспомогательную кассу было сделано в 1862 г. — это было 15% из прибылей Экспедиции за 1861 г., — а первые выдачи пособий последовали в 1863 г. С того же 1862 г. служащие Экспедиции, желая содействовать скорейшему образованию капитала, решили вносить в пользу кассы по 10% из назначенной им в разделе из прибыли суммы. Таким образом, за произведенными в 1863 и 1864 гг. выдачами пособий на сумму 2.547 р. 81 коп. капитал кассы на 1 января 1865 г. возрос до 31.026 р., и тогда по собранным за 1861–1864 гг. данным было приступлено к составлению проекта устава. Устав этот 19 октября 1865 г. был высочайше утвержден и с 1 января следующего года введен в действие. На основании его уже в 1866 г. нескольким членам, помимо ссуд и пособий, стали выдаваться пенсии, и таким образом было положено начало более прочному обеспечению быта служащих в Экспедиции. Капитал кассы к 1 января 1878 г., когда вместе с новым Положением об Экспедиции был введен и новый кассовый устав, равнялся уже 499.095 р. 16½ коп., представлявшим нарицательную ценность в 630.725 р. 60¾ коп.

Результаты всех тех реформ, каким подверглась Экспедиция в 60-е годы, не замедлили в ближайшем будущем сказаться на чрезвычайно успешном развитии ее деятельности. Из представленного Винбергом министру финансов 10 марта 1865 г. обзора действий Экспедиции за 1861–1864 гг. видно, что в течение указанных пяти лет Экспедиция выпустила 236.734.629 листов разного рода бумаги, израсходовав на это 2.785.565 рублей. Если бы в 1861 г. не последовало преобразования Экспедиции, а затем не были бы введены дальнейшие улучшения в ее технике, то исчисленное количество бумаги обошлось бы — принимая во внимание цены 1860 г. — в 3.825.631 р., т. е. дороже на целых 1.042.666 рублей. Независимо от этого сбережения, из прибылей Экспедиции за последние 4 года поступило в государственный доход 110.925 руб. и на усиление фонда вспомогательной кассы 48.947 рублей. И этот материальный успех был достигнут несмотря на то, что значительно увеличилась, с переходом рабочих в вольное состояние, заработная плата, возросли, с расширением фабричных и жилых помещений, расходы по топливу, освещению и водоснабжению, а также изготовлены, с изменением образцов почти всех государственных бумаг, новые штампы, формы и пр. Возросшие траты с избытком удалось покрыть главным образом сбережением на материалах: в 1860 г. для изготовления 33 милл. листов потребовалось материалов на 164.000 р., а в 1864 г.

расход этот для 57 милл. листов составил сумму всего лишь в 57.000 р., хотя цены на материалы за это время заметно поднялись. Интересно отметить, что из числа материалов в 1860 г., при действии паровых машин, имевших около 60 лошадиных сил, было израсходовано на топливо до 27.000 руб., тогда как в 1864 г., при машинах в 300 с лишним сил, пошло всего около 20.000 руб. Немудрено, что стоимость выделки одного листа за указанный период времени значительно понизилась: в 1860 г., когда на изготовление 33.979.785 листов было истрачено 549.168 руб. 83½ коп., один лист обошелся в 1,616 коп.; в 1864 же году, когда было изготовлено 57.410.784 листа за 582.344 руб. 34¾ коп., стоимость отдельного листа упала до 1,014 коп.⁴⁰

Примечания

1. Арх. Э. Дело Строит. комитета. № 1/28. I разр. 1863 г. Л. 16; Д. 320/51. I разр. 1850 г. Л. 62. (ЦГИА СПб. Ф. 1458. Оп. 2. Д. 1857–1864).
2. Там же. Д. 320/51. I разр. 1850 г. Л. 57 и об. (ЦГИА СПб. Ф. 1458. Оп. 2. Д. 310).
3. Там же. Л. 57–59. (ЦГИА СПб. Ф. 1458. Оп. 2. Д. 310).
4. Там же. Л. 59. (ЦГИА СПб. Ф. 1458. Оп. 2. Д. 310).
5. Там же. Дело Строит. комитета. № 4/23. I разр. 1861 г. Л. 26. (ЦГИА СПб. Ф. 1458. Оп. 2. Д. 2352).
6. Там же. Д. 512/211. I разр. 1856 г. Л. 9–13. (ЦГИА СПб. Ф. 1458. Оп. 2. Д. 382).
7. Там же. Л. 37. (ЦГИА СПб. Ф. 1458. Оп. 2. Д. 382).
8. Там же. Дело Строит. комитета. № 4/23. I разр. 1861 г. Л. 19 и след. (ЦГИА СПб. Ф. 1458. Оп. 2. Д. 2352).
9. Там же. № 5/4. I разр. 1857 г. См.: Ведомости о ходе и успехе работ. (ЦГИА СПб. Ф. 1458. Оп. 2. Д. 2357).
10. Там же. Дело Строит. комитета. № 4/23. I разр. 1861 г. Л. 55–63. (ЦГИА СПб. Ф. 1458. Оп. 2. Д. 2352).
11. Там же. № 20/20. I разр. 1860 г. Л. 354–355; Д. 663/386. I разр. 1860 г. Л. 1 и след. (ЦГИА СПб. Ф. 1458. Оп. 2. Д. 2367).
12. Там же. Д. 512/211. I разр. 1856 г. Л. 46. (ЦГИА СПб. Ф. 1458. Оп. 2. Д. 382).
13. Там же. Д. 690/35. I разр. 1862 г. Л. 4–6.
14. Там же. Дело Строит. комитета. № 20/20. I разр. 1860 г. Л. 378–379.
15. Там же. № 1/28. I разр. 1863 г. Л. 16–20.
16. Там же. № 20/20. I разр. 1860 г. Л. 446 и об.
17. Арх. Кред. Канц. Д. 2. I разр. 1857 г. Л. 7. Что касается упоминаемого в тексте манифеста от 21 августа 1856 г., то он находится в П.С.З. Т. XXX. № 30877.
18. Там же. Д. 2. I разр. 1857 г. Л. 19, 21–22.
19. П.С.З. Т. XXXIII. № 33/303; Арх. Госуд. Сов. Деп. Экон. Д. 209. 1858 г. Л. 17 и проч.

20. Арх. Кред. Канц. Д. 2. I разр. 1857 г. Л. 74–76.
21. Там же. Д. 6. I отд. 3 ст. 1858 г. Л. 3–4.
22. Арх. Э. Д. 564/80. I разр. 1858 г. Доклад заведующих отделениями на л. 12–14 и доклад С. А. Ремезова на л. 25–28. Последний доклад находится также в Арх. Кред. Канц. Д. 6. I отд. 3 ст. 1858 г. Л. 6–11.
23. Арх. Э. Д. 615/232. I разр. 1859 г. Л. 3; Арх. Кред. Канц. Д. 6. I отд. 3 ст. 1858 г. Л. 15.
24. Арх. Кред. Канц. Д. 6. I отд. 7 ст. 1858 г. Л. 24–30.
25. Арх. Э. Д. 564/80. I разр. 1858 г. Л. 31; Арх. Кред. Канц. Д. 6. I отд. 3 ст. 1858 г. Л. 56.
26. Арх. Кред. Канц. Д. 6. I отд. 3 ст. 1858 г. Л. 47–49.
27. Арх. Э. Д. 581/243. I разр. 1858 г. Л. 1, 7–9.
28. Там же. Д. 615/232. I разр. 1859 г., *passim*.
29. П.С.З. Т. XXXVI. Отд. 1-е. № 36765.
30. См. выше. С. 174.
31. См. выше. С. 61.
32. Арх. Кред. Канц. Д. 11. I разр. I отд. 3 ст. 1860 г. Л. 3–23.
33. Арх. Госуд. Сов. Деп. Эк. Дело 1860 г. № 414. Л. 13 об. и след.
34. Арх. Э. Д. 669/30. I разр. 1861 г. Л. 7 и след. (ЦГИА СПб. Ф. 1458. Оп. 2. Д. 440).
35. Там же. Л. 1 и след. (ЦГИА СПб. Ф. 1458. Оп. 2. Д. 440).
36. Арх. Кред. Канц. Д. 11. I отд. 3 ст. 1860 г. Л. 178 и след.
37. Там же. Д. 11. I отд. 3 ст. 1860 г. Л. 265 и 270.
38. Арх. Э. Д. 735/39. I разр. 1865 г. Л. 4. (ЦГИА СПб. Ф. 1458. Оп. 2. Д. 448).
39. Там же. Л. 8.
40. Там же. Л. 3–4. (ЦГИА СПб. Ф. 1458. Оп. 2. Д. 448).